

СОВЕТ ПО ВНЕШНЕЙ И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

XIX АССАМБЛЕЯ

9-10 апреля 2011 г.

Культура, будущее России и её место в мире

(ВОПРОСЫ ДЛЯ ДИСКУССИИ)

Тема нынешней Ассамблеи Совета по внешней и оборонной политике звучит несколько необычно для нашей организации. При её выборе мы исходили из того, что Россия — это её культура, в первую очередь — литература и язык. А их, похоже, мы начинаем терять. Теряя, таким образом, идентичность, а, возможно, и наше будущее.

Из назначенных историей сорока лет блужданий по пустыне двадцать мы уже прогуляли, времени в запасе все меньше. А ситуация не улучшается. Что должно и что может в таких обстоятельствах сделать общество в целом и его образованная часть, интеллигенция, — вот предмет обсуждения на Ассамблее.

По сложившейся на протяжении уже многих лет доброй традиции камертоном ко всей дискуссии на Ассамблее станет выступление Сергея ЛАВРОВА, ветерана СВОП, министра иностранных дел РФ.

В своих выступлениях, как докладчики, так и комментаторы, естественно, вольны выходить за темы предлагаемого вопросника. Но всё-таки мы просим Вас учесть поставленные вопросы в Вашем рассуждении.

Сессия 1. Русская культурная матрица: Тормоз на пути развития или его опора?

1.1. Пользуетесь ли Вы понятием «культурная матрица»? Что вкладываете в него? Верно ли, что «русская матрица» навсегда определила наш путь: «Государство сильнее общества. Личность вторична. Внешний мир враждебен»? Или это искаженное представление о ней?

1.2. Что входит в ядро русской культурной матрицы? Какие ценности, какие идеи? Как она влияет на позиционирование России в мире?

1.3. Кто мы с историко-культурной точки зрения:

- *восточная деспотия с европейскими корнями?*
- *европейская держава с восточным вектором развития?*
- *неопределившаяся, застрявшая на полпути страна?*
- *особое культурно-государственное явление, которое никто (в том числе мы сами) не в состоянии понять?*

Исходя из какой предпосылки нам выстраивать стратегию внешней политики?

1.4. Что было в нашей истории, в нашем социальном опыте по-настоящему всемирного, кроме великой русской литературы? Несколько тяжелых войн, которые Россия не проигрывала — в отличие от большинства европейцев? Революция? Космос? Ядерное оружие?

1.5. Совместима ли русская культурная матрица с ценностями современной цивилизации — то есть ценностями развития, обновления, индивидуальной ответственности и свободной конкуренции?

1.6. Нет ли у Вас ощущения, что ссылками не неизменность матрицы и незыблемость традиции политический класс слишком часто оправдывает застой: «в России всегда так было, а значит, никогда ничего не переменится»?

1.7. Можно ли менять матрицу, не разрушая свою идентичность?

1.8. Знаете ли вы примеры в новейшей мировой истории, когда именно опора на национальную культурную традицию в ее развитии стала основой возрождения страны и цивилизации?

1.9. Есть ли в нашей культурно-исторической традиции то, на что может опереться политика модернизации? Иными словами, возможна ли модернизация через традиционную высокую культуру?

1.10. В какой мере картина мира, создаваемая культурой, влияет на реальное существование страны, на мотивации людей, на трудовую этику, на взаимоотношения с другими народами? Или это не более чем пиаровский миф?

Сессия 2. Модернизация через культуру и неизбежность национализма

2.1. Все констатируют, что Россия вступила в неизбежный период всплеска русского национализма. Это только отрицательное явление, или необходимое условие возрождения страны? «Мертвая вода», которая соединяет разрубленное тело?

2.2. Как вы думаете, «Манежная площадь» была эксцессом или закономерным явлением? Связано ли оно с агрессивно-обостренным спросом на свою культуру, в том числе правовую, или только с протестом против присутствия «чужаков»?

2.3. Как вы считаете, почему русское национальное самосознание (в отличие от украинского, грузинского, чеченского и др.) не «проснулось» сразу после распада империи, а напомнило о себе только через 20 лет? Почему основным носителем национально-обостренного чувства является молодежь?

2.4. Не предстоит ли нам пройти через столкновения разных национализмов, чреватые распадом государственности?

2.5. Можно ли сопоставлять русский постимперский национализм с французским национализмом 1960-х годов, с другими примерами постимперского всплеска национальных чувств?

2.6. Какое влияние на восприятие России в мире окажет этот «национально окрашенный» этап развития нашей цивилизации? Не повредит ли он интернационализации политики, интегрированию российской науки в мировой контекст?

2.7. Не приведет ли всплеск национализма к политике самоизоляции, к ослаблению интеграционных процессов и снижению политического веса России в мировом сообществе?

2.8. Умеет ли культура «работать» с национализмом, обеззараживать его, выводить из агрессивного состояния, насыщать созидательными смыслами? Можем ли мы опереться на культурный, политический, экономический опыт стран, которые раньше нас столкнулись с аналогичными проблемами?

2.9. Как вы относитесь к сегодняшним экспериментам по выдвиганию культуры в качестве главного мотора модернизации и магнита для инвестиций? Например, к пермскому эксперименту?

2.10. Случайно ли, что в центре таких экспериментов — именно актуальная универсалистская культура, а национально-традиционная сдвигается на обочину?

2.11. Возможно ли возрождение через возвращение, например, к «золотому» XIX веку, понимаемому широко, как наша викторианская эпоха, от Екатерины Великой до начала XX столетия?

2.12. Удастся ли нам создать постимперскую картину мира, в которой национальному и космополитическому полюсам найдётся смысловой противовес?

2.13. Какую роль будет играть в этих процессах Церковь? Сможет ли она стать неформальным арбитром или займет одну из сторон в национально-культурном и социально-политическом конфликте? Будет ли сотрудничать с современной русской культурой? Насколько вероятна вспышка «нового атеизма» в молодой интеллектуальной среде?

2.14. Остаётся ли Россия «плавильным котлом» культур населяющих этносов? Какие уроки может и должна извлечь Россия из кризиса политики мультикультурализма в Западной Европе? Какую роль будет играть такая ценность, как толерантность? Она укоренена в нашей культурной традиции? Она может быть встроена в нее?

Сессия 3. Школа как политический институт культурной модернизации

3.1. После завершения цифровизации и окончательного дробления информационного мира школа станет единственным общественным институтом, охватывающим всю территорию страны и объединяющим всех граждан независимо от национальности, имущественного ценза, религиозной и социальной принадлежности.

3.2. Значит ли это, что перед ней встают не только образовательные, но и политические задачи? Если ДА, то каковы они, как бы Вы их сформулировали? Если НЕТ, то какой институт отвечает за формирование общегражданского сознания, общей ценностной шкалы и системы культурных кодов?

3.3. К какой социокультурной реальности готовит сегодняшнего выпускника современная российская школа?

3.4. Как Вы относитесь к формуле Бисмарка: «франко-германскую войну выиграл гимназический учитель»? Сможет ли российский учитель сформировать постсоветскую нацию? При каких условиях?

3.5. Может ли школа сформировать сознание активного участника модернизационных процессов, не порывающего со своей культурной матрицей?

3.6. Может ли (и должна ли) школа воспитывать современного человека через погружение в традиционные гуманитарные дисциплины (литература, история)? Является ли, на Ваш взгляд, всё четче проявляющаяся тенденция размывания гуманитарного слоя в процессе школьного преподавания осознанной политикой, или следствием чего-то иного?

3.7. Как Вы относитесь к происходящим в школе переменам? Что несут в себе новые стандарты образования?

3.8. Как Вы оцениваете введение новых предметов с национально-культурной и религиозно-просветительской направленностью — ОПК, «Россия в мире»? В какой мере они будут влиять на сознание нового поколения россиян?

3.9. Есть ли у школы право актуализировать те или иные образы, лейтмотивы, сюжеты, выявляя и подчеркивая в русской культурной матрице то, что наиболее необходимо деятельному человеку XXI столетия? Имеет ли школа право выполнять подобный социальный заказ, или это противоречит ее суверенным задачам?

3.10. Какие культурно-политические практики, использованные другими странами в сфере школьного образования, могут быть применены в России?

Сессия 4. Русский язык как следствие модернизации и как форпост традиции

4.1. Сохраняет ли русский язык свое мировое значение? Продолжает ли влиять на позиции России в мире?

4.2. Согласны ли Вы с тем, что самая успешная модернизация в России связана с обновлением русского литературного языка, произведенным Пушкиным? Была ли связана эта языковая модернизация с обновлением традиционных ценностей русской цивилизации, её «языковой картины мира»?

4.3. Работает ли сейчас пушкинский «модернизационный проект»?

4.4. Формирует ли язык национальную картину мира, или это не более чем лингвистическая метафора? Если ДА, то как бы Вы кратко описали русскую языковую картину? Чем она отличается от немецкой, украинской, американской?

4.5. Какие культурные константы заложены в русской языковой картине? Под воздействием каких факторов, и с какой скоростью они меняются?

4.6. Можно ли, воздействуя на язык, влиять на сознание, и наоборот?

4.7. Как меняется современный русский язык? Как он «работает» с мощным потоком новых реалий, складывающихся у нас на глазах общественных и профессиональных отношений? Затрагивают ли эти перемены самую суть ценностей, «зашифрованных» в языке, или это процессы автономные?

4.8. Не разрушают ли бесконечные заимствования, прежде всего недопереваренные англицизмы, русскую языковую традицию?

4.9. На одном ли языке говорят советские и постсоветские поколения русских людей?